

Отзыв

официального оппонента доктора философских наук, доцента Нехаева
Андрея Викторовича на диссертацию Демина Тимофея Сергеевича
«Проблема знания: современная аналитическая эпистемология и теория
знания Бруно Латура», представленной к защите на соискание учёной
степени кандидата наук по специальности 5.7.1 – онтология и теория
познания (философские науки).

Центральная проблема диссертационной работы Тимофея Сергеевича Демина – сложный комплекс вопросов о природе и структуре знания, а также условиях приписывания знания, сложившийся на данный момент в рамках аналитической эпистемологии. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка (включающего в себя 191 источник, в том числе 136 англоязычных). Основные научные результаты были представлены на профильных секциях международных и всероссийских конференций (Москва, МГУ, ВШЭ, 2021–2022 гг.; Екатеринбург, УрФУ, 2021 г.), а также были отражены в 4 публикациях в рецензируемых журналах ВАК (включая 2 публикации, выполненных в соавторстве).

В первой главе диссертационной работы диссертант реконструирует концептуальные рамки дискуссии о знании, сложившиеся в аналитической эпистемологии [стр. 20–72]. Он довольно подробно разбирает существующий набор конвенций характерных для данного типа исследовательского интереса к проблеме знания (вроде акцента на пропозициональной структуре знания, ментальных состояниях субъектов знания, реалистических интуициях относительно объектов знания, истинностном значении выражающих знание пропозиций, индивидуальных видах знания и т.д. [стр. 22–26]). Отдельно анализируется скептическая гипотеза и ее связь с классической концепцией инфантилизма (когда под знанием понимается такое убеждение субъекта, которое обладает различным признаком истинности [стр. 27–32]), а также так называемые ‘примеры Геттиера’, оказавшие огромное влияние на траектории развития аналитической эпистемологии во второй половине XX века [стр. 33–37], выделяя на основе анализа три основные стратегии борьбы с подобного рода примерами: (1) $JTB+X$ (поиск дополнительного условия к стандартной формуле анализа знания как обоснованного истинного убеждения), (2) $Y+TB$ (замена в стандартной формуле анализа знания условия обоснованности другим условием), (3) J^+TB (такая модернизация условия обоснованности в стандартной формуле анализа знания, которая давала бы успешные решения для «примеров Геттиера») [стр. 38–52].

Во второй главе диссертационной работы детально анализируются две влиятельные программы аналитической эпистемологии – контекстуализм [стр. 73–85] и теория ‘сначала-знание’ [стр. 85–109]. По мнению диссертанта, контекстуализм не может быть принят в качестве полноценной альтернативы для стандартного *JTB*-анализа знания, поскольку является не более чем «дополнением» к нему, которое к тому же вместо борьбы со скептицизмом, фактически устанавливает его «в новом обличьи» [стр. 85]. Теорию ‘сначала-знание’, согласно которой знание не может быть нами редуцировано к его составляющим посредством стандартного *JTB*-анализа, поскольку является фактивным ментальным состоянием, диссертант также предлагает отвергнуть на основе ряда возражений, ключевым из которых, по его мнению, является аргумент ‘светимости’: в отличие от других ментальных состояний (вроде восприятия, воспоминания и т.д.), знание недостаточно ‘светимо’, чтобы мы могли считать его ментальным состоянием [стр. 100–104].

Третья глава диссертационной работы посвящена реконструкции так называемой ‘теории знания Латура’ (далее – ТЗЛ) [стр. 112–155]. Своей задачей в данной главе диссертант видит встраивание ТЗЛ в таксономию аналитической эпистемологии. Представив достаточно детальное описание метафизических оснований ТЗЛ (в виде множества постулируемых Латуром ‘модусов существования’ – REF, DC, TEC, NET, PRE и др.), диссертант выделяет базовые, по его мнению, компоненты ТЗЛ: цепочки референции и неизменные мобильности [стр. 113–118]. На основе этих базовых компонентов диссертант последовательно разбирает и анализирует возможные в рамках ТЗЛ формулировки условий знания: *JTB*-эмпиризм [стр. 143–144], *JTM*-эмпиризм [стр. 144–146], мягкий эмпиризм [стр. 146–149], релейабиллистский эмпиризм [стр. 149–151] и радикальный аналитический эмпиризм [стр. 151–153]. Именно последняя формулировка, с точки зрения диссертанта, позволяет обеспечить ТЗЛ устойчивые к скептицизму и ‘примерам Геттиера’ необходимые и достаточные условия знания [стр. 151] и одновременно успешным образом встроить ТЗЛ в имеющуюся таксономию аналитической эпистемологии как один из вариантов пуристского инвариантистского антискептического нередуктивного экстернализма [стр. 155].

Основные научные результаты диссертационной работы Тимофея Сергеевича Демина систематически изложены, детально аргументированы и обладают высокой степенью достоверности. В целом вопросы о том, что такое знание и каковы условия его приписывания всегда рассматривались как одна из фундаментальных проблем философского исследования. В этом отношении предпринятая диссертантом попытка найти альтернативные ответы на такие вопросы с помощью ТЗЛ видится более чем актуальной. Особенно в свете

того, что диссертант в своем исследовании стремится показать совместимость ключевых тезисов ТЗЛ с рамками современной аналитической эпистемологии, подходы и теории которой занимают доминирующее положение в текущем состоянии дискуссии о знании. Диссертант справедливо отмечает отсутствие интереса к ТЗЛ со стороны представителей аналитической эпистемологии, ссылаясь на то, что антрополого-социологический бэкграунд данной теории сформировал представление о ней, как о части исследовательской области SSK&STS. В этом смысле попытка диссертанта встроить подход и ключевые тезисы ТЗЛ в рамки современной аналитической эпистемологии обладает не только научной новизной, но и позволяет разнообразить ее исследовательский инструментарий.

Представленная к защите диссертационная работа Тимофея Сергеевича Демина обладает рядом несомненных достоинств:

(1.1) Нельзя не отметить историко-философский масштаб проведенного диссертантом исследования. В диссертационной работе получили достаточно детальное и корректное отражение ключевые для современной аналитической эпистемологии подходы и теории: каузальная теория знания, релейабиллизм, отслеживающая теория, контекстуализм и теория 'сначала-знание' [стр. 38–52, 74–107]. Прделанная работа позволила диссертанту не только выявить и систематически изложить ключевые положения данных подходов и теорий, но и представить вполне релевантный набор таксономических признаков для последующего переописания ТЗЛ в целях ее встраивания в концептуальные рамки аналитической эпистемологии.

(1.2) Важным достоинством диссертационной работы может считаться сама попытка 'гибридизации' аналитической эпистемологии посредством встраивания в нее подхода, изначально для этой цели не предназначенного. Не секрет, что отсутствие значимых признаков прогресса в рамках сложившегося в аналитической эпистемологии 'общего русла' дискуссии о знании (прежде всего, в форме ЛТВ-анализа) во многом провоцировало разработку новых интересных подходов к проблеме знания, наподобие теории 'сначала-знание' или релейабиллизма добродетелей, каждый из которых может рассматриваться как попытка 'гибридизации' устоявшейся формы интереса к знанию. В этом отношении ценность концептуальных 'инъекций' со стороны альтернативных аналитической эпистемологии подходов к знанию, вроде той, что предлагает диссертант, очевидна. Вне зависимости от степени ее успешности ТЗЛ должна поспособствовать расширению эвристических возможностей существующих форм анализа знания.

(1.3) В содержательном плане особый интерес представляет заявленная диссертантом необходимость переноса акцента в нашем анализе знания с его

индивидуальных форм на коллективные [стр. 52, 118, 122, 124–127]. В целом это любопытная линия рассуждений диссертанта (хотя и достаточно уязвимая к критике). Она содержит в себе черты ‘семейного сходства’ с коммунальной стратегией, использованной Крипке в решении проблемы следования правилу. По крайней мере, выдвинутый диссертантом набор доводов для защиты своих рассуждений об индивидуальных формах знания как (преимущественно) производных от коллективных форм знания [стр. 125–126] сильно напоминает аргументацию о невозможности приватного языка.

Сложность и объем затрагиваемых в диссертационной работе вопросов (свойственных, прежде всего, сложившейся в аналитической эпистемологии дискуссии о знании) провоцирует на полемику. Поэтому, помимо отмеченных выше достоинств диссертационной работы, следует также указать и на ряд возможных замечаний (полемического характера), оспаривающих некоторые из предложенных диссертантом тезисов, решений и выводов.

(2.1) Финальная формулировка условий знания ТЗЛ (обозначенная как радикальный аналитический эмпиризм) выглядит следующим образом [стр. 151]: существует цепочка референций R от O к S , которая передает неизменную мобильность об O таким образом, что (тзл1) S имеет M об O , (тзл2) S не может легко ошибиться в M , и (тзл3) благодаря этому R обеспечивает соответствие O и M (истину). В представленном выше виде ТЗЛ становится подозрительно похожа на каузальную теорию знания (далее – КТЗ), что в ряде мест своей диссертационной работы частично признает и сам диссертант [стр. 128, 134]. КТЗ, как известно, обычно трактуется как разновидность стратегии $Y+TB$ по борьбе с ‘примерами Геттиера’: в рамках нашего анализа знания она предлагает заменить J (обоснованность) на C (каузальную связь). Тем самым, КТЗ утверждает: разница между TB (истинным убеждением) и CTB (знанием) заключается в том, что, когда мы что-то знаем, наше убеждение должно быть каузально связано с тем, в чем мы убеждены. Формально это можно записать следующим образом: (ктз1) P истинно (ктз2); S убежден, что P ; (ктз3) убеждение S в том, что P , было вызвано тем фактом, что P ¹. Другими словами, необходимым условием знания P со стороны S является то, что S должен иметь каузальную связь с P (путем восприятия, интроспективного воспоминания, свидетельства и т.д.).

Разумеется, ТЗЛ не является простой концептуальной ‘калькой’ с КТЗ. Согласно ТЗЛ, к знанию следует относиться как к чему-то, что постепенно возникает в цепочках референций, посредством которых вещи окружающего мира становятся одновременно более *мобильными* (т.е. их легче

¹ В поздних версиях КТЗ принято записывать как: S знает, что P , тогда и только тогда, когда P каузально связано соответствующим образом с убеждением S в P [ср. с этим стр. 40].

коммуницировать, транспортировать, и комбинировать, к примеру, через записи, изображения, фотографии, устные свидетельства и научные статьи) и более *неизменными* (т.е. способными выдерживать все больше и больше проверок и противостоять возражениям). В этом смысле знание заключается не в установлении эпистемической связи между уже данными самими по себе субъектом и объектом, а в преобразовании множественных связей между ними таким образом, когда что-то одно становится познающим субъектом, а что-то другое – познанным объектом. В реляционной онтологии Латура вещи из окружающего мира, как известно, не обладают собственными свойствами изначально, а приобретают их, вступая в ассоциации друг с другом. Проще говоря, в окружающем мире нет ни одной сущности (неважно какой природы – атома, растения, животного, человека, организации или технологии), которая существовала бы в форме *per se*. Чтобы существовать, любая сущность должна ассоциироваться с другими сущностями либо через них транспонироваться. В итоге в онтологии Латура получается, что каждая из вещей окружающего мира всегда коммуникативно конституирована. Все это, безусловно, очень важные отличия ТЗЛ от КТЗ, но, по мнению самого же диссертанта, ими вполне можно было бы пренебречь, отделив сложную реляционную онтологию от эпистемологического ‘ядра’ ТЗЛ [стр. 17, 135–136]. С таким предложением диссертанта ‘очистить’ ТЗЛ от сложной реляционной онтологии, в принципе, можно согласиться. Однако, как мне кажется, в этом случае ТЗЛ становится чем-то подозрительно похожим на КТЗ. И именно это становится источником вполне знакомых проблем. Отдельно подчеркну, что проблема здесь вовсе не в метафизике причинности (а точнее не в том различии, которое имеется в ее трактовках в аналитической философии и акторно-сетевой теории) [ср. с этим стр. 134–135], а в том, что ТЗЛ оказывается уязвима к примерам Геттиера.

Пользуясь известным рецептом Линды Загзебски², я попробую создать соответствующий ‘пример Геттиера’ для ТЗЛ. Допустим мы рассматриваем двух субъектов – *A* и Ω . Представим себе, что на одной из вечеринок, где они оба были, *A* подсыпает Ω в стакан с шампанским сильный галлюциноген. Ω выпивает стакан с шампанским и испытывает очень яркую галлюцинацию, включающую в себя эпизоды, где он высаживается на Луну, выигрывает Кубок Стэнли, взбирается на Эверест, а также эпизод, в котором Ω ‘видит’ как *A* подсыпает ему в стакан с шампанским сильный галлюциноген. И поэтому, очнувшись от своей галлюцинации, Ω думает, что *A подсыпал ему в стакан с шампанским сильный галлюциноген*. В случае с КТЗ, очевидно, что у нас есть

² Подробнее об этом см.: Zagzebski L. The Inescapability of Gettier Problems // The Philosophical Quarterly. 1994. Vol. 44. № 174. P. 65–73.

проблема: с одной стороны, вроде бы ситуация Ω удовлетворяет всем трем условиям (КТЗ1)–(КТЗ3), с другой – пропозиционально выраженная мысль Ω , что *А подсыпал ему в стакан с шампанским сильный галлюциноген*, не является знанием (а скорее является чем-то, что мы назвали бы *случайным истинным убеждением*). В случае же ТЗЛ проблема, как кажется, никуда не исчезает: с одной стороны, ситуация Ω удовлетворяет опять же всем трем условиям (ТЗЛ1)–(ТЗЛ3), с другой – она не конституирует знание. Конкретно для ТЗЛ источником проблемы становится квази-самореферентная конструкция рассматриваемого нами примера с галлюциногеном, когда мысль Ω о событии (испытанной им яркой галлюцинации) имеет на обратном конце своей цепочки референции что-то, что находится внутри самого этого события. Конечно, эта цепочка референции чрезвычайно коротка. Сторонник ТЗЛ мог бы настаивать на том, что, очнувшись от своей галлюцинации и абдуктивно расширив ее, Ω вполне мог бы рассчитывать, что в определенный момент знание о том, что *А подсыпал ему в стакан с шампанским сильный галлюциноген*, было бы все же конституировано. Ведь, согласно ТЗЛ, цепочки референции становятся более ‘объективными’ всякий раз, когда в них вводится новый элемент. Каждый такой элемент призван ответить на возражение, которое ставит под сомнение способность других элементов цепочки реферировать к тому же ‘объекту’ (в нашем случае такому событию, как яркая галлюцинация Ω), то есть сохранять неизменными один и тот же небольшой набор свойств (в нашем случае мысль Ω о действии *А* как причине пережитой им яркой галлюцинации). Тем не менее, из-за квази-самореферентной конструкции примера с галлюциногеном, мне кажется, что такая стратегия ТЗЛ вряд ли поможет. Очевидно, это не тот же самый случай, к примеру, как свидетельство очевидца ограбления банка. Представим, что мы смотрим криминальные новости и слышим утверждение диктора ‘*по словам Σ , грабители скрылись из банка до прибытия полиции*’. В примере с ограблением элемент ‘ Σ ’ включен в цепочку референции элемента ‘*грабители скрылись из банка до прибытия полиции*’, – в том смысле, что он отвечает на следующего вида возражение: “Кто должен гарантировать, что элемент ‘*грабители скрылись из банка до прибытия полиции*’ точно описывает случившееся событие?”. Согласно ТЗЛ, участвуя в цепочке референции, Σ и его показания должны сохранить *неизменными* ряд свойств случившегося в банке события. Так же, как и в примере с галлюциногеном, представленная цепочка референции очень коротка и, видимо, пока все еще не конституирует знания. Чтобы повысить ее ‘объективность’, ее можно расширить. Простым способом это сделать было бы включение в нее нового элемента ‘*тот, кто живет через дорогу от банка*’. В расширенном виде утверждение о событии

в банке гласило бы: *‘по словам Σ , живущего через дорогу от банка, грабители скрылись из банка до прибытия полиции’*. Введенный новый элемент *‘тот, кто живет через дорогу от банка’* участвует в той же цепочке референции, отвечая на следующего вида возражение: “Что должно гарантировать то, что Σ был в состоянии видеть происходившее в банке?”. Теперь не только Σ и его показания, но и то, что он живет через дорогу от банка, должны сохранить *неизменными* ряд свойств случившегося в банке события. В принципе, можно было бы продолжить расширять цепочку референции для нашего утверждения о случившемся в банке событии, пока в какой-то момент она не стала бы настолько *‘объективной’*, чтобы конституировать знание. Однако в примере с галлюциногеном из-за его квази-самореферентной конструкции эта стратегия ТЗЛ не работает. Таким образом, ТЗЛ в представленной диссертантом в форме радикального аналитического эмпиризма, по-видимому, уязвима к ‘примерам Геттиера’ ровно в той же степени, что и другие редуктивные теории знания.

(2.2) Кроме содержательных, диссертационной работе можно высказать также и ряд стилистических и терминологических замечаний. В частности, диссертант пользуется парой терминов ‘фаллАбализм’ и ‘инфаллАбализм’. Такое написание хорошо известных в эпистемологии терминов ‘фаллИбализм’ и ‘инфаллИбализм’ можно было бы считать орфографической ошибкой или обычной опечаткой, если бы не тот факт, что диссертант на протяжении всего текста диссертационной работы систематически использует именно его. Это довольно необычно и для этого должны быть какие-то причины, тем более что в своих опубликованных работах диссертант пользуется все же стандартным написанием ‘фаллИбализм’ и ‘инфаллИбализм’³.

Высказанные выше содержательные замечания носят полемический характер и не влияют на высокую положительную оценку диссертационной работы. Тимофеем Сергеевичем Деминым проведено масштабное по объемам самостоятельное исследование одной из ключевых эпистемологических проблем. Достоверность, убедительность, теоретическая и практическая ценность научных результатов диссертационной работы подтверждается разветвленной системой аргументации выносимых на защиту положений. Основные научные результаты диссертационной работы в достаточной степени отражены в публикациях диссертанта в рецензируемых изданиях, а текст представленного автореферата в полной мере соответствует содержанию диссертационной работы. На основании этого, можно сделать заключение, что диссертационная работа Демина Тимофея Сергеевича на тему «Проблема знания: современная аналитическая эпистемология и теория знания Бруно

³ Например, см.: Демина Т. С. Проблема Геттиера: что делать с головоломкой аналитической эпистемологии? // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 58–75.

Латура» полностью соответствует критериям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства № 842 от 24.09.2013 г.), а ее автор Демин Тимофей Сергеевич заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1 – онтология и теория познания.

Доктор философских наук
по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания,
профессор кафедры философии, медиа и журналистики
Федерального государственного бюджетного
учреждения высшего образования
«Тюменский государственный университет»

Нехаев Андрей Викторович

26 апреля 2025

Контактные данные:

Федеральное государственное бюджетное
учреждение высшего образования
«Тюменский государственный университет»
Адрес: 625003, г. Тюмень ул. Володарского, 6
Тел: 8 (3452) 59-74-29
e-mail: ed@utmn.ru
web-сайт: <https://www.utmn.ru>

Подпись <u>Нехаева А.В.</u> удостоверяю
Руководитель группы HR-проектов, начальник управления по работе с персоналом
 Е.О. Винниченко
«29» 04 2025 г.